

видно, что тема «Пушкин и Вашингтон Ирвинг» еще не исчерпана, причем сложившееся положение обязывает включить в нее и «Медный всадник» (также написанный в Болдине) как один из предметов исследования, которое с применением подлинно научного инструментария сравнительного литературоведения должно или подтвердить, или опровергнуть высказанные догадки о связи поэмы с произведениями американского писателя.

КАК ТЕКСТОЛОГИ СОЗДАВАЛИ И РАЗРУШАЛИ ПУШКИНСКИЙ ШЕДЕВР

(О ТЕКСТЕ ЧЕРНОВОГО НАБРОСКА
«ЦАРЬ УВИДЕЛ ПРЕД СОБОЮ...»)

В недавнее время средства массовой информации выплеснули в широкую аудиторию (извратив, как это им привычно, суть дела) профессиональный спор пушкинистов-текстологов о том, достаточно ли в новом академическом «Полном собрании сочинений» А. С. Пушкина придерживаться *буквы* методологических основ «большого академического» издания и принять его за обязательный эталон, от которого отклонения допустимы лишь для исправления частных огрехов, недосмотров и ошибок, или следует, опираясь на этот (в полном смысле слова) текстологический шедевр, созданный блестящей плеядой ученых, нащупывать путь дальнейшего развития пушкинской текстологии, для чего, в частности, подвергать их решения внимательному осмыслению и скрупулезному критическому анализу. Петербургская сотрудница одной претендующей на респектабельность московской газеты, собравшая там и сям разные сплетни, инсинуации и слухи, нарисовала апокалиптическую картину состояния дел в академическом пушкиноведении. Банда амбициозных пушкинистов-«модернистов», возомнивших, что им «все позволено», покушается на главную святыню пушкиноведения — «каноны, избранные (!?) крупнейшими российскими пушкинистами», и «хочет все переиначить, оставив последнее слово за собою». И некому «оградить поэта от посягательств „нового русского пушкиноведения”». С дикими воплями (позволим себе красочно развить мысль журналистки), от которых сотрясают-

сы массивные своды Пушкинского Дома, атакуют оголтелые «разрушители» поредевшие ряды «академистов» (которые сами называют себя «старыми пушкинистами»), чтобы заклать охраняемому ими священную корову пушкиноведения, надеть на нее бифштексов и жадно ими обжираться, запивая из граненых стаканов дымящейся кровью поверженных оппонентов. «В Пушкинском Доме, похоже, скоро некому будет читать Пушкина: истощается школа текстологии, мельчают исследователи».¹ Лукаво утаили от журналистки те, кому она, ничего не понимая в том, о чем пишет, безраздельно поверила, что тревоги эти напрасны, что «большое академическое» собрание навечно останется в научном и читательском обороте, будучи, между прочим, недавно переиздано огромным для нашего времени тиражом, и что в любой момент каждый, кто в этом почувствует необходимость, сможет к нему обратиться, чтобы сопоставить новации, предлагаемые «измельчавшими пушкинистами», с «канонами», якобы установленными великими предшественниками. Не сказали ей и того, что новое академическое «Полное собрание сочинений» Пушкина адресовано прежде всего и главным образом литературоведам, исследователям, научным работникам и что в массовые издания перейдут со временем лишь те введенные в него «переиначивания», которые получают одобрение специалистов после придирчивой проверки. Умолчали и о том, что сами «отцы» «большого академического» собрания отрицали в текстологии понятие «канона» и не считали достигнутые ими блестящие результаты текстологической *pes plus ultra*, сознавая не только возможность, но и неизбежность их изменения в будущем. «Текстологу приходится производить исследование по всем источникам, чтобы найти не лучший текст, не самый подходящий, а *подлин-*

¹ Токарева М. «Весь Пушкин» переезжает: А споры вокруг него продолжают // Общая газета. 2001. 8 — 14 февр. № 6 (392). С. 10. В несколько ином виде эта статья была напечатана и в одной зарубежной русской газете. Пример грязной сплетни, которую с удовольствием передает журналистка, не стесняясь назвать свой источник: «Злые языки утверждают, что нынешний первый том в основе своей был подготовлен в те годы <в преддверии столетнего юбилея. — В. Р.> и потому *напечатать его с незначительными доработками не стоило труда*» (курсив мой. — В. Р.).

ный авторский текст, который прямо мы не найдем ни в одном из источников, — говорил С. М. Бонди в своем докладе «Основные вопросы пушкинской текстологии» на XI Всесоюзной Пушкинской конференции 3 июня 1959 г. — А раз так, раз дело переходит в установление правильного авторского текста и работы ученого-текстолога, что же удивительного, что возможны разные степени познания объекта, возможны изменения, что вдруг кто-нибудь даст более верное исследование, <придет> более талантливый текстолог, который учтет источник не так, как предшествующие, или появятся новые источники текста, новые рукописи. <...> Нет оснований для того, чтобы говорить о раз навсегда данном, неизменном, каноническом тексте. Так обстоит дело во всех науках. Нет положения в науке, которое не может быть изменено, подправлено, а иногда и опрокинуто! Есть только одна область мышления — религиозная, авторитарная, <где> есть каноны, которые не подлежат изменению. В науке такого нет и не может быть. Наука знает, что все изменяется, течет, ничего не остается неизменным».² С ним согласился и другой основатель современной пушкинской текстологии Н. В. Измайлов: «Я с большим удовлетворением слушал то, что говорил Сергей Михайлович о существовании термина „канонический текст“, — заявил он на том же заседании в своем докладе «Итоги изучения рукописного наследия Пушкина». — Я тоже, как и Сергей Михайлович, решительно отрицаю саму возможность канонического, т. е. навсегда неизменного текста. Само слово канонический — слово законного³ происхождения, когда законы устанавливались откровением, а не людьми, и этого, разумеется, не должно быть в науке; у нас есть „критический“ текст, а не „канонический“ текст. Это не канон, а научно выработанный текст на определенных основных методах, которые могут быть подвергнуты критике».⁴ В другом месте своего доклада Н. В. Из-

² Всесоюзная Пушкинская Конференция, 11-я. Стенографический отчет: Первое заседание, 3 июня 1959 г. С. 19, 24.

³ Имеется в виду религиозный закон.

⁴ Всесоюзная Пушкинская конференция, 11-я. Стенографический отчет: Первое заседание, 3 июня 1959 г. С. 55.

майлов отметил, что «это издание нужно считать вершиной, итогом пушкинской текстологии *на то время, когда это издание делалось*».⁵ 6 февраля 1963 г. в Московском государственном музее А. С. Пушкина состоялось обсуждение выпущенного Государственным издательством художественной литературы в 1959–1962 гг. десятитомного «Собрания сочинений» Пушкина, в которое по сравнению с «большим академическим» был внесен ряд принципиальных новаций. Резюмируя в заключительном слове высказанные по этому поводу мнения, академик М. П. Алексеев сказал: «Филологи-классики могут видеть тексты, которые печатаются без изменений 150 раз. А можно печатать без изменений полное собрание сочинений Пушкина? Нельзя».⁶

Полемицировать с журналистами по предметам, относящимся к компетенции узкого круга специалистов, равно как и убеждать их в неблагovidности скороспелых, неграмотных, односторонних сенсационных публикаций — занятие неблагодарное, бесплодное и бессмысленное. Но коли споры вынесены наружу, то научная общественность, хотя в общем и равнодушная к текстологии,⁷ должна быть информирована о том, что в «большом академическом» собрании вызывает у «разрушителей» (которые, кстати, относятся к нему со всем должным уважением и восхищением) вопросы, как они эти вопросы решают и какую работу по его критическому осмыслению в целом и в частности они выполняют. Уместно здесь напомнить,

⁵ Там же С 44 Курсив в цитате мой — В Р

⁶ Стенограмма обсуждения Собрания сочинений А. С. Пушкина 1959–1962 гг. Москва, ГИХЛ 6 февраля 1963 г. С 82 (Моск. гос музей А. С. Пушкина)

⁷ Об этом равнодушии говорит тот факт, что ни одна из прошедших в печать, в том числе и массовую, текстологических новаций, среди которых есть и очень сомнительные, не вызвала никакой реакции. Сейчас кропотливой работе над текстом, требующей уединения и тишины, предпочитают шумный придворный прием (то бишь Конференцию) у Его Величества Дискурса и Его Августейшей Супруги Концепции, мечтая урвать там хотя бы мимолетную улыбку статс-дамы Гипотезы и престарелой фрейлины Интертекстуальности, рожденной от противоестественной связи французского марксизма и русского формализма

что ученые, чьими многолетними трудами было подготовлено это издание, остро переживали отсутствие серьезных, профессиональных критических разборов опубликованных ими результатов. Общее для них чувство болезненной неудовлетворенности высказал Н. В. Измайлов в уже цитированном выше докладе: «В свое время, — напомнил он, — один из основных участников издания Г. О. Винокур <...> писал: „Научная критика нового академического издания должна была бы оказать большую услугу советскому литературоведению. Академическое издание дает обильный материал для критики, которая ставит целью внимательное изучение и исследование проблем. Критика нуждается в нем. <...> Но приходится констатировать, что объективное научное обсуждение нового академического издания почти не начато. Не только не поставлен вопрос о том, что нового оно дает, но никто не обсудил принципов, достоинств и недостатков нового издания с точки зрения общефилологического значения”. Эти слова, — продолжал докладчик, — были опубликованы накануне Великой Отечественной войны. С тех пор положение почти не изменилось. <...> Глубокой развернутой критики мы так и не имеем».⁸ Не состоялась она и в следующие сорок лет, и лишь теперь появляются ее первые начатки. Данная статья, за которой, будем надеяться, последуют и другие, предлагается как один из ее образцов, посвященный частному случаю, в котором фокусируются важные методологические вопросы.

Трудности, с которыми сталкиваются нынешние пушкинисты-текстологи при анализе текстов «большого академического» собрания в сопоставлении с автографами, вызваны главным образом тем, что текстологи поколения 1920-х — 1950-х годов оставили множество своих решений необъясненными, и, прежде чем какое-либо из них принять, скорректировать или полностью пересмотреть, необходимо провести особое исследование, чтобы понять логику рассуждений и действий предшественника. Как показывает опыт, это перерастает иногда в непростую задачу.

⁸ Всесоюзная Пушкинская конференция, 11-я Стенографический отчет Первое заседание, 3 июня 1959 г. С 45–46

В «большом академическом» собрании читаем следующее извлеченное из черновика стихотворение:

Царь увидел пред собой
Столик с шахматной доской.

Вот на шахматную доску
Рать солдатиков из воску
Он расставил в стройный ряд.
Грозно куколки стоят,
Подбоченясь на лошадаках,
В [коленкорových] перчатках,
В оперенных шишачках,
С палашами на плечах.

Тут лохань перед собою
Приказал налить водою;
Плавать он пустил по ней
Тьму прекрасных кораблей,
Барок, каторог и шлюпок
Из ореховых скорлупок —
< >
< >
А прозрачные ветрильцы
Будто бабочкины крыльцы.

(Акад. III, 304)

Представленный в этом виде пушкинский черновой набросок нельзя не признать маленьким шедевром. Стихотворение имеет стройную композицию, будучи разделено «отбивками» на три части, каждая из которых, обозначенная дополнительно редакторским абзацным отступом, содержит ярко нарисованный, цельный, законченный фрагмент общей картины. Этого впечатления не портят две пустые строки в последнем из них, которыми показаны два ненаписанных стиха, как не мешает ему и повторение одинаковых слов во втором и третьем стихах. Никакого продолжения стихотворения читательское восприятие не требует, а человек, внимательный к технике стихосложения, отмечает ее безукоризненное соблюдение во всех восемнадцати стихах.

Если в бумагах Пушкина, действительно, содержится такое прекрасное стихотворение, то почему коллеги Н. В. Измайлова, подготовившего текст этого произведения для «большого академического» собрания, принялись разрушать шедевр в последовавших авторитетных массовых изданиях?

В «малом академическом» десятитомнике под редакцией Б. В. Томашевского набросок был напечатан с рядом изменений:

Царь увидел пред собою
Столик с шахматной доскою.

Вот на шахматную доску
Рать солдатиков из воску
Он расставил в стройный ряд.
Грозно куколки сидят
Подбоченясь на лошадаках
В коленкорových перчатках,
В оперенных шишачках,
С палашами на плечах.

Тут лохань перед собою
Приказал налить водою;
Плавать он пустил по ней
Тьму прекрасных кораблей,
Барок, каторог и шлюпок
Из ореховых скорлупок —
.....
.....
А прозрачные ветрильцы
Будто бабочкины крыльцы,
А веревки.....⁹

Удачна замена в шестом стихе глагола «стоят» на «сидят», потому что это сказуемое лучше коррелирует со следующим стихом «Подбоченясь на лошадаках». Однако изменение окончания в первых двух стихах нарушает правило альтернанса, введение же в текст незаконченного стиха «А веревки», выне-

⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 3. / Текст проверен и примеч. составлены Б. В. Томашевским. С. 269. (Том подписан к печати 8. X. 1956 г.; в дальнейшем сокращенно: МАкад. 1957).

сенного Н. В. Измайловым в отдел вариантов (Акад. III, 897), уничтожает впечатление завершенности. В этом контексте приобретают иное значение две строки точек: теперь они усугубляют эффект незаконченности наброска.

С чтением начальных стихов согласилось «большое академическое» собрание, указав при этом, что «следующие за этим двести стихов не примыкают к ним непосредственно» (Акад. XVII, 26); а в десятитомнике, выпущенном Гослитиздатом в 1959–1962 гг., С. М. Бонди, который, по его собственному признанию, лишь «на пятьдесят процентов» сходил и на столько же расходился в мнениях с Томашевским,¹⁰ не только принял все его изменения, но и пошел дальше, исключив строки точек, в результате чего образовалось еще одно нарушение правила альтернанса (стихи 15–18 его публикации) и ощущение смысловой «неувязки» на стыке стихов 16 и 17.

Царь увидел пред собою
Столик с шахматной доскою.

Вот на шахматную доску
Рать солдатиков из воску
Он расставил в стройный ряд.
Грозно куколки сидят,
Подбоченясь на лошадках,
В коленкорových перчатках,
В оперенных шишачках,
С палашами на плечах.

Тут лохань перед собою
Приказал налить водою;
Плавать он пустил по ней
Тьму прекрасных кораблей,
Барок, каторог и шлюпок
Из ореховых скорлупок —
А прозрачные ветрильцы
Будто бабочкины крыльцы,
А веревки¹¹

¹⁰ См. выше, с. 39

¹¹ Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М.: Гослитиздат, 1960. Т. 3. С. 420; То же. М.: «Худож. лит.», 1975. Т. 3. С. 381. (В дальнейшем сокращенно: Гослитиздат 1960, ХЛ 1975).

Рис. 17. Автограф наброска
«Царь увидел пред собою...»

В этом виде набросок становится не только незавершенным, но и необработанным, неотделанным.

Какой же из этих текстов следует признать подлинным (по терминологии Бонди — см. выше, с. 344–345) пушкинским? Или, может быть, автограф допускает и другое прочтение, более подлинное и более пушкинское?

Набросок «Царь увидел пред собою...» записан карандашом на оборотной стороне сложенного пополам листа, который во время его заполнения принадлежал к альбому ПД 845, будучи в нем седьмым,¹² а позднее был из него вырван и помещен жандармами в составленный ими из разрозненных листов конволют (ЛБ 2375, л. 21/31). При поступлении этой тетради в Пушкинский Дом она была расшита, и лист, о котором идет речь, стал числиться отдельной единицей хранения (ПД 956), причем, следуя жандармской нумерации, оборотная сторона, содержащая рассматриваемый набросок, была помечена цифрой «1», а лицевая получила в свою очередь номер «2», т. е. их поменяли местами.¹³ Считается, что формируя тетрадь, жандармы сгибали подбирившиеся ими в произвольной последовательности листы и вкладывали их один в другой.¹⁴ Однако четкое расположение текста и рисунков на обеих сторонах ПД 956 в два столбца относительно разделительной линии сгиба говорит о том, что лист был согнут пополам еще до заполнения лицевой, где находятся черновые строфы «Езерского» (от «Мне жаль, что дома наши новы / Что выставляют стены их...») до: «И что спасибо нам за то / Не скажет кажется никто» — см.: Акад. V, 408–409).

¹² См.: Бонди С. М. История заполнения «Альбома 1833–1835 годов» // Рукописи А. С. Пушкина: Фототип. изд.: Альбом 1833–1835 гг.: Тетрадь № 2374 Публичной б-ки СССР им. В. И. Ленина: Комментарий. М., 1939. С. 21. Фототипическое воспроизведение листа см.: Пушкин А. С. Рабочие тетради. СПб.; Лондон, 1996. Т. 5. (Далее ссылки на это издание сокращенно: Раб. тетр., с указанием тома.)

¹³ Описание ПД 956 см.: Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский Дом после 1937 года: Краткое описание / Сост. О. С. Соловьева. М.; Л., 1964. С. 25; Раб. тетр. Т. 1. С. 229.

¹⁴ Соловьева О. С. «Езерский» и «Медный всадник»: История текста // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1960. Т. 3. С. 286.

Согласно проведенной Н. В. Измайловым реконструкции творческого процесса, представленной в «большом академическом» собрании в виде вариантов к основному тексту и отражавшей, как можно заключить из истории публикации наброска в советское время, общее мнение пушкинистов-текстологов 1920-х–1930-х годов, Пушкин приступил к работе над наброском в правой (внутренней) колонке, где первыми написал три неполных стиха:

Ц<арь> <?> на шахматную доску
Кучу куколок из воску
В стройный ряд

(Акад. III, 896)

По какой-то причине это начало его не устроило, и перейдя на левую (внешнюю) половину, он под уже имевшимся там рисунком, изображающим женские ножки, принялся сочинять другое, написал два стиха, третий начал и бросил, вернулся в правый столбец, внес изменения в написанное здесь ранее и пошел дальше:

Царь увидел пред собой
Столик с шахматной доской
[А другой]
Вот на шахматную доску
Рать солдатиков из воску
Строй за строй расставил он —
Копья дротики блестят
Веют шелковы знамены

(Там же)¹⁵

Действительно, заполняя страницы, разделенные пополам на два столбца, Пушкин обычно писал основной текст, как было принято в его время, в правой половине, а в левой — ис-

¹⁵ Оставляем для рассмотрения далее, в соответствующих местах по ходу изложения, ошибку в рифмующихся окончаниях первого и второго стихов (в автографе: «собою: доскою») и сомнительное чтение зачеркнутого стиха.

правления, варианты и дополнения. Однако, сочиняя стихотворные произведения, он иногда отступал от этого образца и двигался сначала по левой колонке сверху вниз, а затем — по правой, часто, впрочем, нарушая последовательность переходами из одной колонки в соседнюю.¹⁶ Именно так Пушкин работал на листах, предшествовавших в тетради ПД 845 тому, о котором идет речь, и на его лицевой стороне над поэмой «<Езерский>» (ПД 954, 955, 956; Раб. тетр. Т. 5), а далее в ней же — над «Медным всадником» (л. 8 об. — 9 об., 10 об. — 15, 16 об. — 17; Раб. тетр. Т. 5)¹⁷ и стихотворением «Сват Иван, как пить мы станем...» (л. 15 об.). Такое постоянство требует обязательно проверить, не в этой ли манере заполнялась и страница, содержащая набросок «Царь увидел пред собою...». Достаточных палеографических или иных признаков, которые позволили бы этому подозрению стать уверенностью, не обнаруживается; однако гипотеза о такой последовательности заполнения анализируемой страницы равносильна в своей правомерности той, которой придерживался Измайлов и его коллеги-пушкинисты. Соответственно меняется и реконструкция процесса работы над первыми стихами наброска.

На чистой, но уже согнутой пополам оборотной странице были сделаны в левой половине рисунки женских ножек; и под ними — то ли сразу, то ли после какого-то перерыва — написаны два начальных стиха и не завершен третий, не получившийся, а потому зачеркнутый на втором слове. Оставляя мес-

¹⁶ Например, так шла работа над стихотворением «Мой друг, уже три дня...» (ПД 832, л. 7, Раб. тетр. Т. 3; примечательно, что на обороте этого листа заметки к замыслу поэмы о Мстиславе сделаны также в левой половине, а дополнение к ним — в правой); «Осень» (ПД 838, л. 83–86; Раб. тетр. Т. 5). Любопытный казус являет страница ПД 839, л. 49, где в левом столбце заканчивается черновик «Медного всадника», а в правом начинается черновой автограф «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях» (со слов: «Раз царевна молодая...»), продолжающийся в две колонки и на других листах (л. 48 об. — 48, 58, 62 об.—62, 63; Раб. тетр. Т. 6), причем заполнение всех страниц начинается с левой.

¹⁷ Примечательно, что, продолжая черновик «Медного всадника» в другой тетради, Пушкин писал его частично также в два столбца, из которых первым на всех страницах был левый (ПД 839, л. 54 об. —49; Раб. тетр. Т. 6).

то для продолжения экспозиции, Пушкин перешел на правую (внутреннюю) сторону, чтобы там развивать основной сюжет. Сколько стихов в образующемся пробеле ему предстоит сочинить, он, может быть, еще не решил (места оставлено довольно много), почему и намеревался повторить слово «Царь». Однако, написав первую букву, наметил, что их будет два (минимальное число, необходимое для соблюдения правила альтернанса при выбранной рифмовке), после чего начатое «Ц<арь>», оказавшись в непосредственной близости от уже написанного того же существительного, стало неуместным стилистически, что и вызвало моментальный от него отказ. В равной, впрочем, степени вероятно, что Пушкин сразу определил количество стихов, оставляемых на будущее, а писать «Ц<арь>» начал по инерции, но, заметив на первой же букве возникающую стилистическую погрешность, немедленно ее исправил.

Такая последовательность работы кажется более стройной и логичной, а потому более правдоподобной, нежели предположенная Измайловым, согласно которой подлежащее «Ц<арь> <?>» мешало Пушкину завершить третий стих («В стройный ряд») и, не справившись с этой трудностью, он сделал остановку, а может быть, и перерыв, в раздумьях выполнил рисунок, сочинил новое начало, где ранее обозначенное почему-то лишь одной буквой слово написал полностью, не закончил этого фрагмента и вернулся к исходному.

По какому бы из возможных сценариев ни развивался на самом деле творческий процесс, конечный результат был следующим:

Царь увидел пред собою
 Столик с шахматной доскою
 [А д<... ?>ой] <.....>
 <.....>
 [Ц] Вот на шахматную доску
 Кучу куколок из воску
 В стройный ряд расставил он —

Далее работа шла с большим трудом, о чем свидетельствует обильная правка в уже написанных строках и область сплош-

ных зачеркиваний, в которой и от целых стихов, и от фрагментарных наметок остались только два расположенных слева в разных строках слова («Грозно», «Куколки») и одна неразборчивая запись справа («<...?>ять»). Таким образом, несколько стихов у Пушкина явно «не сложились»; но следующие четыре, замыкающие описание сухопутной армии, получились довольно легко, хотя, разумеется, не без пробы разных вариантов:

Подбоченья на лошадках
В коленкоровых перчатках
В оперенных шишачках
С палашами на плечах

Спустившись в правом столбце несколько вниз от последнего стиха («С палашами на плечах»), Пушкин обратился к описанию игрушечного флота, плавающего в лохани. Сочинив первые четыре стиха этого фрагмента, он в какой-то момент работы над следующими за ними, вернулся к ним и на свободном месте внизу левой половины страницы записал другой их вариант, оставив, однако, и предыдущий незачеркнутым.

Текст правого столбца (в последнем слое):

Перед шахм<атной> доскою
На столе лахань с водою —
Плавать он пустил по ней
Куч<у>¹⁸ дивных караблей

Текст левого столбца:

Тут лахань перед собою
Приказал налить водою
Плавать он пустил по ней
Тьму прекрасных караблей

Невозможно решить с полной уверенностью, отдавал ли Пушкин предпочтение одному из этих текстов (последний отнюдь не был обязательно у него окончательным), а другой про-

сто забыл вычеркнуть или оба представлялись ему равноправными и он отложил выбор на будущее. Примечательно, что второй вариант занял место, резервированное для двух стихов экспозиции. Не значило ли это, что он уже о них не думал и не вспомнил?

Последние четыре полных стиха описания флота не могут быть соединены подряд, так как в этом случае нарушается альтернанс. Между ними обязательны два стиха, что в автографе никак не показано:

Плавать он пустил по ней
а. Куч<у> дивных караблей
б. Тьму прекрасных караблей
Барок, каторог и шлюпок
Из ореховых скорлупок =
<.....>
<.....>
А прозрачные ветрильцы
Будто бабочкины крильцы

Итак, в ходе стихотворной обработки сюжета, подсказанного Пушкину новеллой В. Ирвинга, не было ни единого момента, когда создаваемый набросок представлял бы собою цельный, связный текст, и оставлен он был в разрозненном состоянии, имея большие внутренние пустоты и написанный в автографе последним незаконченный стих («А веревки»). Тем не менее на протяжении почти восьми десятилетий, со времени первой публикации, все усилия пушкинистов сводились к тому, чтобы извлечь из рукописи именно некий цельный «отрывок», якобы содержащийся в черновых записях, но не вычлененный самим автором. История постепенного формирования этого гипотетического искомого текста весьма поучительна. Он последовательно уточнялся и совершенствовался от сводки к сводке, и каждая, отражая методологические представления своего времени, равно как и разнообразные, существенные и мелкие, отклонения от них в индивидуальной практике того или иного редактора, имела свою логику, которую современным текстологам, готовящим новое академическое издание, необходимо понимать в полном объеме, для того что-

¹⁸ В автографе не измененное при правке куча

бы во всех деталях и нюансах оценить получившийся в конце этого длительного процесса результат — стихотворение, печатающееся ныне, уже более сорока лет, в корпусе сочинений Пушкина.

П. И. Бартенев озаглавил публикуемый им впервые текст «Опыт детского стихотворения» и все им разобранные в автографе, в ряде мест с грубыми ошибками, напечатал подряд, без критического анализа. Первые пять строк он сложил, выбрав из правой колонки цельные, незачеркнутые и вычеркивавшиеся частично или полностью, но по ходу авторской правки восстановленные стихи:

Вот на шахматную доску
Рать солдатиков из воску
В стройный ряд расставил он,
В оперенных шишачках,
С палашами на плечах...
Перед шахматной доскою
На столе лахань с водою....
Плавает по всей лахани
Куча дивных кораблей,
Банок, каторог и шлюпок
Из орехов скорлупок.
А ветрильца....
Будто бабочкины крыльца.
Тут лахань перед собою
Приказал налить водою,
Плавать он пустил по ней
Тьму чудесных кораблей.¹⁹

¹⁹ Из рукописей А. С. Пушкина / Публ. П. И. Бартенева // Рус. архив. 1881. Кн. 3. С. 473. Воспроизведено со ссылкой на публикацию Бартенева в изд.: *Пушкин А. С. Соч.* 8-е изд., испр. и доп. / Под ред. П. А. Ефремова. М., 1882. Т. 3. С. 450–451. Здесь введен абзацный отступ в первой строке, «банок» исправлено на «барок», «орехов» — на «ореховых», «каторог» заменено (по незнанию слова) на «катеров», снято неуместное многоточие после «ветрильца», и последние четыре стиха отделены от текста пояснением, что они представляют собою, «по всей вероятности, набросок, предназначенный для вставки после первых пяти стихов».

В. Е. Якушкин внес ряд исправлений и в дополнение опубликовал начальные стихи из левой половины, причем незавершенный и зачеркнутый обозначил строкою точек:

Царь увидел пред собою
Столик с шахматной доскою.
.....²⁰

Какое число стихов Пушкиным здесь не было написано, он не пытался определить, на стихосложение внимания не обращал, игнорируя этот аспект настолько, что, допустив по небрежности далее ошибку в рифмующихся окончаниях, не заметил, что сам нарушил альтернанс.²¹

Эта публикация была учтена в появившихся через несколько лет одновременно двух собраниях сочинений Пушкина, подготовленных одно — П. А. Ефремовым, другое — П. О. Морозовым.

Ефремов поставил в конце второго стиха многоточие, снял строку точек, а также употребленный им в прежней публикации абзацный отступ перед «Вот» — и получил стройное начало стихотворения, невозможное, однако, у Пушкина из-за нарушения альтернанса (*собою: доскою: доску: воску* — ср. с. 355). Исключение из текста стихов «Тут лахань перед собою ~ Тьму прекрасных кораблей», являющихся, по указанию Якушкина, вариантом уже имеющихся, придало эту стройность и всему наброску:

²⁰ *Якушкин В. Е.* Рукописи Александра Сергеевича Пушкина, хранящиеся в Румянцовском музее в Москве // Рус. старина. 1884. Т. 43. Сент. С. 651. Исправления: «Плавать он пустил по ней» вместо нарушающего размер «Плавает по всей лахани»; «барок» вместо «банок», «каторог» вместо ефремовского «катеров», «ореховых» вместо «орехов», «А прозрачные ветрильца» вместо «А ветрильца....».

²¹
Тут лахань перед собою
Приказал налить водою
Плавать он пустил по ней
Тьму прекрасных кораблей.
(Там же).

В автографе: «собою: водою» (см. с. 356).

Царь увидел пред собою
 Столик с шахматной доскою...
 Вот на шахматную доску
 Рать солдатиков из воску
 В стройный ряд расставил он,
 В оперённых шишачках
 С палашами на плечах...
 Перед шахматной доскою
 На столе лахань с водою...
 Плавать он пустил по ней
 Кучу дивных кораблей.
 Барок, каторог и шлюпок
 Из ореховых скорлупок;
 А прозрачные ветрильца
 Будто бабочкины крыльца.²²

Иначе поступил Морозов. Введенные им абзацные отступы, многоточие в конце второго стиха и «отбивка» после строки точек должны были, по-видимому, в совокупности передать мысль о том, что экспозиция стихотворения не завершена и составила бы цельный в художественном и смысловом отношениях фрагмент, объем которого не установим. Кроме того, из правой колонки Морозов извлек еще два стиха (один очень вероятный и один бесспорный), которые Бартенев или намеренно не включил в текст, ощущая смысловой разрыв между ними и предыдущим, или, может быть, не распознал, приняв составляющие их слова, оказавшиеся после вносившихся изменений не в ровных строках, а на разных уровнях, за разрозненные остаточные записи. Сводка Морозова приобрела следующий вид:

Царь увидел пред собою
 Столик с шахматной доскою...

²² Пушкин А. С. Полн. собр. соч. / Изд. В. В. Комарова; Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1887. Т. 3. Прил. С. 16; То же. 2-е [стереотип.] изд. СПб., 1887. Т. 3. Прил. С. 16. Набросок напечатан под редакторским заглавием «Отрывок сказки»

Вот на шахматную доску
 Рать солдатиков из воску
 В стройный ряд расставил он,
 Подбоченясь на лошадаках,
 В коленкорových перчатках,
 В оперенных шишачках,
 С палашами на плечах...
 Перед шахматной доскою
 На столе лохань с водою...
 Плавать он пустил по ней
 Кучу дивных кораблей,
 Барок, каторог и шлюпок
 Из ореховых скорлупок.
 А прозрачные ветрильца —
 Будто бабочкины крыльца.²³

При корректировке этой сводки Морозов ввел в нее варианты некоторых стихов, напечатав их в скобках. Вкупе с дополнительной строкой точек и явственно ощущаемым смысловым разрывом между стихами «В стройный ряд расставил он» и «Подбоченясь на лошадаках», создающим к тому же и ложную, абсурдную грамматическую связь («расставил он, подбоченясь на лошадаках»), они разрушили столь долго создававшееся впечатление целостности наброска, обнажив его черновой характер и недоработанность:

Царь увидел пред собою
 Столик с шахматной доскою...

Вот на шахматную доску
 Рать солдатиков из воску
 В стройный ряд расставил он,
 Подбоченясь на лошадаках,
 В коленкорových перчатках,

²³ Пушкин А. С. Соч. / Под ред. и с объяснит. примеч. П. О. Морозова СПб., 1887. Т. 2. С. 163. В этом же виде (но без «отбивки», с абзацным отступом в стихе «Перед шахматной доскою» и многоточием после «крыльца») напечатано в изд.: Пушкин А. С. Соч. / Ред. П. А. Ефремова. [СПб.], 1903. Т. 2. С. 339.

В оперенных шишачках,
 С палашами на плечах...
 [Тут лохань перед собою
 Приказал налить водою]
 Перед шахматной доскою
 На столе — лохань с водою;
 Плавать он пустил по ней
 [Кучу дивных кораблей]
 Тьму прекрасных кораблей,
 Барок, каторог и шлюпок
 Из ореховых скорлупок...

 А прозрачные ветрильца —
 Будто бабочкины крыльца.²⁴

Следующий редактор наброска, М. А. Цявловский, представитель нового поколения текстологов, сознательно «подправляя» предполагаемые «упущения» и «небрежности» автора смелыми гипотетическими решениями, проверяя их, как сформулировал Бонди, «практикой», под которой понималось, по его же словам, «непосредственное художественное чувство, хорошо выработанный литературный вкус исследователя». Поясняя эту важнейшую, основополагающую принятую этой плеядой пушкинистов методологическую установку (при неизбежных частных расхождениях мнений), Бонди писал: «Если в результате расшифровки трудного, неразборчивого черновика поэта, или анализа какой-нибудь копии не дошедшей до нас рукописи, или анонимного произведения, по тем или иным соображениям ему приписываемого, перед нами оказывается текст низкого художественного качества (что может быть установлено только непосредственным эстетическим чувством), то никакие „научно-объективные“ аргументы (исторические,

²⁴ Пушкин А. С. Соч. и письма / Под ред. П. О. Морозова. СПб., 1903. Т. 2. С. 581 — 582. То же с пропуском, видимо, по недосмотру, стиха «Тьму прекрасных кораблей» и с разными мелкими отличиями (без «отбивки» и без абзацного отступа перед «Вот», с точкою после «скорлупок» и троеточием после «крыльца») в изд. Пушкин А. С. [Собр. соч.] / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1909. Т. 3. С. 492.

биографические, лингвистические, стилистические и т. д.) не смогут опровергнуть свидетельство верного художественного вкуса, на который, кстати сказать, и рассчитывает всякий художник в своем произведении».²⁵ Признание «непосредственно эстетического критерия» «основным, наиболее надежным, верным научным методом» текстологии²⁶ дало ученым твердую, как им представлялось, сводящую к минимуму вероятность ошибок опору для широчайшего применения конъектуры во всем ее разнообразии, от простейшей (чтения отдельных неразборчиво написанных слов или стихов) до сложнейшей — «попытки восстановить из разрозненных, рассеянных в разных местах набросков цельный замысел Пушкина, так сказать, реставрировать целое произведение по сохранившимся обломкам»,²⁷ и «случаев, когда правильный текст пушкинского произведения устанавливается прямо вопреки его рукописи, когда логически неизбежно приходится предполагать ошибку или опisku Пушкина».²⁸

Редакторским исправлением написанного в автографе начал Цявловский составленную им сводку наброска. В отступление от традиции, которая, опираясь на четко прописанное окончание последнего слова («собою») в первом стихе, так же читала и недописанное или стершееся от времени рифмующееся окончание второго стиха («доскою»), он выбрал основным, «правильным» именно последнее и, прочтя его как «~ой», заключил, что в предыдущем Пушкин допустил опisku. Этот ход мысли текстолога позволяет реконструировать опубликованная его коллегами, в их числе и его женой, транскрипция автографа, где первые два стиха представлены в следующем виде:

Царь увидел пред собою
 Столик с шахмат<ной> доской

²⁵ Бонди С. М. Черновики Пушкина: Статьи 1930–1970 гг. М., 1971. С. 3–4.

²⁶ Там же. С. 4.

²⁷ Там же. С. 7.

²⁸ Там же. С. 8.

— и к слову «собою» дано примечание: «Описка вместо *собой*».²⁹ Графическими признаками, которыми, по всей видимости, руководствовался Цявловский, отказываясь от традиционного чтения и предлагая новое, могли быть слабо просматривающееся над последней буквой (на значительном, впрочем, от нее удалении по вертикали) подобие диакритического штриха и отличие соединения между нею и предшествующей («о») от того же элемента в трех четких написаниях «ою» (дважды «собою», один раз «водою», все в левой половине страницы). Нетрудно объяснить, почему из двух окончаний ученый выбрал в качестве опорного не то, которое не вызывает никаких сомнений, а читаемое по догадке, гипотетическое. Рифма «собою: доской» устанавливала нарушаемый окончанием «~ою» альтернанс в первых четырех стихах наброска и позволяла их представить соединенными без пробела между ними, неразделимо, а зачеркивание начатой строки «[А д<...?>ой]» (см. с. 355) истолковывать как окончательное решение поэта не вставлять между вторым и третьим стихами никаких промежуточных. Вопросом о том, почему в левой колонке было оставлено под зачеркнутой строкою значительное пустое пространство, Цявловский вряд ли задавался, поскольку, вероятнее всего, считал, что работа над текстом началась в правой половине страницы, а в левой писались дополнения к нему.

Получившийся таким образом текст, образовавший цельный фрагмент, в котором было точно соблюдено важное правило стихосложения, лучше, как, видимо, полагал Цявловский, соответствовал эстетическому критерию, нежели «буквалистские» публикации Якушкина и Морозова, где те же стихи оказались разорванными строкою точек.

Царь увидел пред собой
Столик с шахматной доской.

²⁹ Рукописи А. С. Пушкина: ... Транскрипции / Сост. О. [! С]. Бонди и Т. Зенгер. С. 121. Впервые сводка Цявловского была опубликована в изд.: *Пушкин А. С. Полн. собр. соч.*: В 6 т. М.; Л.: ГИЗ, 1930. Т. 2. С. 195 (Прил. к журн. «Красная нива» на 1930 год). В дальнейшем ссылки на это издание сокращены: КН.

Вот на шахматную доску
Рать солдатиков из воску
В стройный ряд расставил он,
(КН)

Однако эта интерпретация автографа покоилась на очень шатком, ненадежном основании, что, без сомнения, понимал и сам Цявловский, и его коллеги. Сейчас можно со всею определенностью сказать резче, что оно было исходно ложным, так как подобие диакритического значка над прописанной не до конца последней буквой второго стиха создает не карандашный след, но какая-то в этом месте особенность бумаги, а соединение, подобное штриху между предшествующим «о» и этой буквой, встречается у Пушкина и в той же тетради, и в других рукописях.³⁰ Из этого вытекает, что во втором стихе написано «доскою» и, следовательно, в первом не было допущено никакой описки. К тому же и последовательность заполнения страницы была установлена неверно (ср. с. 353–354).

Текстологическое решение Цявловского уязвимо и с другой стороны, обнаруживая свой половинчатый характер в контексте всего наброска, во второй части которого, лишенный возможности «подправить» текст Пушкина, ученый вынужденно оставил нарушение альтернанса:

Плавать он пустил по ней
Тьму прекрасных кораблей,
Барок, каторг и шлюпок
Из ореховых скорлупок.
А прозрачные ветрильца —
Будто бабочкины крильца,³¹

(КН).

³⁰ Например: в основном черновике «Медного всадника» слово «рамою» (ПД 845, л. 8, справа // Раб. тетр. Т. 5; Акад. V, 438); в черновике «Евгения Онегина» (IV, 39. 9) слово «душою» (ПД 835, л. 74 об., 3 св. // Раб. тетр. Т. 4; Акад. VI, 365).

³¹ В автографе: «ветрильцы», «крильцы» (см. с. 357). Эта ошибка тянулась еще с публикации Бартенева, повторенная всеми последующими редакторами (Цявловским во всех изданиях под его редакцией) и устраненная лишь Н. В. Измайловым (Акад. III, 304).

Если признается допустимым отсутствие альтернанса в последних стихах наброска, то почему не оставить такое же нарушение и в первых четырех, тем более что при этом отпадает необходимость прибегать к весьма сомнительной, ненадежной конъектуре? Если же согласиться с тем, что было сделано в начальных стихах, то и в конечных альтернанс должен быть соблюден; а поскольку достичь этого каким-нибудь подобным приемом автограф не дает возможности, остается лишь заключить, что Пушкин не написал тут два стиха, и соответственным образом это показать в тексте. Но если здесь он оставил мысленный пробел, то мог поступить так же и в начальном фрагменте. В результате разрушается художественная цельность наброска, которая собственно и была, можно думать, главной мотивацией действий редактора. Эстетический критерий возвращает текстолога к исходной точке — и образует порочный круг.

При всей своей спорности эта сводка начальных стихов анализируемого наброска держалась во всех последующих изданиях до середины 1950-х годов. Усилия текстологов направились на то, чтобы сгладить присутствовавшие в ней шероховатости. Сам Цявловский поставил в конце пятого стиха точку.³² Позднее (Акад. III, 304) Измайлов, который, между прочим, вопреки правилам Акад. (см.: I, xi), не заключил измененные окончания в угловые скобки, продолжив тем самым поддерживать созданную Цявловским иллюзию, будто они таковы в автографе, ввел абзацный отступ в стих «Вот на шахматную доску» (при сохранении двух имевшихся в сводке Цявловского³³) и «отбивку» перед этим стихом (в дополнение к разделявшей в публикациях Цявловского описания армии и флота).³⁴ Тем самым двустигию-

³² Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1931. Т. 2 / Ред. М. А. Цявловского. С. 257. В дальнейшем сокращенно: ПСС 1931.

³³ Абзацный отступ в первом стихе присутствует во всех публикациях сводки Цявловского, начиная с КН. В стих «Тут лохань перед собою» он был введен в следующем за КН издании ПСС 1931 и повторялся во всех дальнейших под его редакцией.

³⁴ Основанием для введения пробела служило Измайлову, по всей видимости, то обстоятельство, что после записи первых двух стихов под ними было оставлено пустое пространство, заполненное позже стихами, относящимися к

экспозиции была придана композиционная самостоятельность и ослаблено впечатление стилистической небрежности, создаваемое повторением в смежных строках словосочетания «шахматная доска». При таком оформлении текста у читателя, не обращающегося к автографу и его не анализирующего пристально, не может возникнуть даже тени подозрения, что после второго стиха должны были следовать еще два, оставшиеся несочиненными. Никаких признаков этого не усматривается и в вариантах, как их представил Измайлов, поскольку и здесь эти окончания изменены также без угловых скобок и без каких-либо пояснений (Акад. III, 896).

Однако безусловного признания конъектура Цявловского не получила (как видно из приведенных выше текстов в собраниях МАкад 1957 и Гослитиздат 1960, ХЛ 1975). Повторив ее в первом издании «малого» академического «Полного собрания сочинений» Пушкина, где буквально воспроизведен текст Акад.,³⁵ и в «Библиотеке поэта», где нет ни абзацев, ни пробелов,³⁶ Б. В. Томашевский отменил ее во втором издании «малого» десятитомника, вернув в первые два стиха окончания «~ою» (см. с. 349); и вслед за ним так же поступили Акад. и Бонди (см. с. 350). В сводку возвратилось нарушение альтернанса, и если его оправдывали пробелом, выделяющим два начальных стиха в самостоятельный фрагмент (а иных объяснений не находится),³⁷ то совершили ошибку: во всех трех сказках, написанных в близкое время и теми же хорейскими

другой части наброска (см. с. 354–355). Вторая «отбивка», имевшаяся уже в публикации Цявловского (КН), воспроизводила пробел в автографе между описаниями армии и флота.

³⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 3 / Текст проверен и примеч. составлены Б. В. Томашевским. С. 269; стереотипное переизд.: М.; Л., 1950. (В дальнейшем сокращенно: МАкад. 1949, МАкад. 1950).

³⁶ Пушкин А. С. Стихотворения / Подгот. текста и примеч. Б. В. Томашевского. Л., 1955. Т. 2. С. 575 (Б-ка поэта. Б. сер. 2-е изд.). (В дальнейшем сокращенно: БП 1955). Мелкие разночтения: «И прозрачные ветрильцы», «крыльцы».

³⁷ На стыке строф и (в нестрофических стихотворениях) «абзацев» допускалось нарушение альтернанса. См.: Гаспаров М. Л. Строфика нестрофического ямба в русской поэзии XIX в. // Гаспаров М. Л. Избр. статьи. М., 1995. С. 64.

двустихиями, это правило неизменно соблюдается на переходах через пробел от одного фрагмента к другому.

Итак, все попытки представить набросок «Царь увидел перед собою...» без пропуска двух стихов после второго дали некорректные в разных отношениях результаты, и единственно правильным остается ввести в текст соответствующее обозначение.

Виртуозную изобретательность проявил Цявловский для устранения разрыва между стихами «В стройный ряд расставил он» и «Подбоченься на лошадаках», образовавшегося потому, что все испробованные варианты промежуточных между ними стихов были Пушкиным зачеркнуты, кроме лишь трех слов («Грозно», «Куколки», «<...?>ять» — ср. с. 356), записанных, вероятно, разрозненно в качестве наметок для будущих стихов и никак самим Пушкиным не объединенных в стиховое и смысловое целое. Это за него сделал редактор-текстолог, который записи, расположенные в автографе столбиком, поместил в строку и, получив две хорейские стопы и неполную третью, нашел недостающее для четырехстопного стиха в глаголе «стоят», дважды повторенном в автографе (в стихе «Тихо куколки стоят —») и отдельно написанное «сто<ят>») и образующем с двумя другими словами фразу, хорошо вписывающуюся в разрыв:

Рать солдатиков из воску
В стройный ряд расставил он,
Грозно куколки стоят, —
Подбоченься на лошадаках,

(КН)

В автографе оба раза глагол «стоят» — и написанный полностью, и недописанный — вычеркнут, однако уверенно чита-

³⁸ В этом стихе глагол «стоят» зачеркнут отдельно от двух предшествующих слов, и на этом основании Н. В. Измайлов включил его и в другой вычеркнутый стих: «Перед пешками <?> стоят» (Акад. III, 896). Второе слово С. М. Бонди и Т. Г. Зенгер читали: «пешими» (Рукописи А. С. Пушкина: ... Транскрипции. С. 121), с чем следует согласиться, так как из контекста можно понять, что своих «солдатиков» царь ставил на пустую доску, где собственно шахматных фигур не было.

емое окончание «~ять» неразборчивого в остальном слова было сочтено Цявловским достаточным основанием, чтобы прочесть его целиком так, как ему подсказывало «непосредственное художественное чувство», хотя начертание первых букв не похоже ни на «с» и ни на «т».³⁹

Решив остроумной конъектурой одну задачу, текстолог сразу же столкнулся с другой: место рифмованного двустихия теперь заняли два холостых стиха, к тому же оба с мужской клаузулой, чем нарушалось правило альтернанса. Первоначально с этим согласившись и напечатав дважды набросок в таком виде (КН, ПСС 1931), Цявловский позже нашел в автографе среди зачеркнутых стихов пару для им составленного:

Рать солдатиков из воску
В стройный ряд расставил он.
[Жопья, дротики блестят].
Грозно куколки стоят, —⁴⁰

Дальнейшие поиски «улучшения» текста, где оставался холостой стих с мужской клаузулой и за ним следовало двустихие с такими же клаузулами, привели к еще одной конъектуре, позволившей не только «выправить» стихосложение, но и отказаться от зачеркнутого стиха. Необходимая рифма была найдена перестановкою слов в стихе «В стройный ряд расставил он»:

Рать солдатиков из воску
Он расставил в стройный ряд.
Грозно куколки стоят, —⁴¹

В автографе не имеется никаких указаний относительно перестановки слов; принимая эту конъектуру, Цявловский, по-

³⁹ То, что именно это слово было прочитано «стоят», показано в опубликованной транскрипции. См.: Рукописи А. С. Пушкина: ... Транскрипции. С. 121.

⁴⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. 2-е изд. М.; Л.: Гослитиздат, 1934. Т. 2 / Ред. М. А. Цявловского. С. 238–239

⁴¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 9 т. [М.; Л]: Academia, 1935. Т. 3. С. 104; Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. 3-е изд. М.; Л.: Гослитиздат, 1935. Т. 2. С. 214.

видимому, интерпретировал подобным образом то обстоятельство, что слова «в стройный ряд» были зачеркнуты и заменены на «строй за строй», но в дальнейшем восстановлены. По крайней мере, в представленном Измайловым через варианты развития текста заложена мысль о том, что возвращение к первоначально написанному было связано с поиском рифмы к глаголу «стоят»:

Кучу куколок из воску
В стройный ряд

*

Рать солдатиков из воску
Строй за строй расставил он —
Копья дротики блестят
Веют шелковы знамены

*

Рать солдатиков из воску
Он расставил в стройный ряд

- а. Тихо куколки стоят
- б. все сидят
- в. Перед пешками <?>⁴² стоят
- г. Грозно куколки стоят

(Акад. III, 896)

Конъектура Цявловского, подкреплённая впоследствии (1948) авторитетом Акад. (III, 304), где она была принята Измайловым (см. с. 348), прочно утвердилась в собраниях сочинений Пушкина и других текстологически значимых изданиях, выходящих после 1935 года.⁴³ В дальнейшем (МАкад. 1957, Гослитиздат 1960) «стоят» было заменено, как отмечено ранее, глаголом «сидят» (см. с. 349, 350). Прочел ли так Томашевский неразборчивое слово, оканчивающееся на «~ять» (где,

впрочем, буква «д» не просматривается, а две первых столь же мало похожи на «си», как и на «ст»), или взял зачеркнутое из варианта «все сидят», никак этого не обозначив (в МАкад. условные текстологические значки не применялись), сейчас невозможно сказать. Что бы на самом деле здесь ни было написано, присутствие в автографе незачеркнутого слова, оканчивающегося на «~ять» (без сомнения, глагола) и находящегося у правого края записей на этой половине страницы, говорит о том, что оно могло Пушкиным предполагаться последним в стихе и, следовательно, требовать к себе рифмы. Вполне правомерно (во всяком случае, не невозможно) и предположение, согласно которому нашел ее поэт мысленной перестановкой слов, которую на бумаге почему-то не обозначил. Этим двум, кажется, единственным (кроме, разумеется, «непосредственно эстетического критерия») доводам в поддержку конъектуры Цявловского—Томашевского противостоят серьезные контраргументы, которые, хотя и не достаточны, чтобы отменить ее категорически, подрывают ее убедительность и ставят два основывающихся на ней стиха под большое сомнение.

Как уже говорилось выше, оба предложенных чтения неразборчиво написанного слова предположительные и не могут считаться окончательными. Очень вероятно, что Пушкин оставил незачеркнутым для дальнейшего использования другой глагол, и до тех пор, пока эта запись не будет расшифрована с полной определенностью, нельзя быть уверенным в том, что он сочетается по смыслу со словами «Грозно» и «Куколки».

Когда писалось слово «Грозно», находящийся от него вправо межстрочный интервал вполне отвечал своею шириною манере Пушкина заполнять подобные пробелы, начатый этим наречием стих (если на самом деле таковой был начат) мог легко быть продолжен в строку и не было необходимости располагать правку по вертикали, как делал Пушкин при отсутствии свободного места по горизонтали. Это, конечно, не означает, что он не мог в данном случае расположить запись в столбик, поскольку никаких правил или устоявшихся привычек для ситуаций такого рода у него не существовало. В автографе не имеется никаких других признаков, позволяющих отдать пред-

⁴² О чтении этого слова см сноску 38.

⁴³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. М.; Л.: Academia, 1936. Т. 2. С. 116; Полн. собр. соч.: В 6 т. 4-е изд. М.: Гослитиздат, 1936. Т. 2. С. 223; 5-е изд. М., 1938. Т. 2. С. 223; Рукописи А. С. Пушкина: ... Транскрипции. С. 120; Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. М.: Гослитиздат, 1949. Т. 2. С. 176; МАкад. 1949; МАкад. 1950; БП 1955.

почтение одной из этих двух вероятностей, и, таким образом, остроумной догадке Цявловского, не вышедшей за рамки гипотезы, поддерживаемой лишь «эстетическим критерием», равносильно предположение, согласно которому слова «Грозно» и «Куколки» предназначались начальными для разных стихов, подобно тому как записывались и будущие концовки:

все сидят
в перчатках
в палатках

(последняя — дважды).⁴⁴

Неоднократное повторение в автографе на конце стихов глагола в 3 л. мн. ч. наст. времени («~ять») и сама собою разумеющаяся необходимость иметь к нему рифму совмещались в процессе работы — по крайней мере, на некоторых ее стадиях — с наличием стиха, оканчивавшегося местоимением «он» и также требовавшего себе рифмы. Это положение создалось уже в самых первых набросках продолжения наброска.

В стройный ряд расставил он—
Копья дротики блестят
Веют шелковы знамены

Когда эта запись ложилась на бумагу, стиховая организация наброска уже оформилась в виде двустуший. Отсутствие здесь рифм говорит о том, что эти строки записывались как опорный костяк будущего фрагмента и на их основе мыслилось сочинить несколько (на первый момент — не менее трех) двустуший; недопустимое соседство мужских клаузул («он» и «блестят») указывает на то, что между двустушиями, в состав которых вошли бы эти слова, находилось бы еще одно — с женскими клаузулами, а стихи «В стройный ряд расставил он — » (этот в своем двустушии был бы первым) и «Копья дротики

⁴⁴ В составленных Измайловым вариантах записи «в палатках» не отражены (Акад. III, 896), но они показаны в опубликованной транскрипции (см. Рукописи А. С. Пушкина. Транскрипция С 121).

блестят» (или то, чем бы он стал после правки) разделялись бы, как минимум, тремя промежуточными. Иначе говоря, на этой стадии работы над наброском стих «В стройный ряд расставил он — » был в творческом сознании Пушкина отделен от двух других, записанных ниже, и его непосредственного с ними соседства не предполагалось. Эта «разрозненность» сохранялась и в последующих вариантах с конечными глаголами «стоят» и «сидят», поскольку все они сочетались с расположением «куколок» («солдати́ков») на доске «строй за строй», заменившем первоначальное «в стройный ряд», а обе разрешаемые хореем последовательности слов в этом случае. и реально записанная «Строй за строй расставил он — », и возможная «Он расставил строй за строй» — давали один и тот же эффект — мужскую клаузулу, т. е. поддерживали первоначально сложившееся соотношение стихов.

Правда, согласно Измайлову, слова «строй за строй» поддерживались в тексте недолго, будучи вычеркнуты вместе со стихом «Копья дротики блестят», а с пришедшим ему на смену вариантом «Тихо куколки стоят» было возвращено «в стройный ряд» и для установления рифмы переставлены мысленно слова (Акад. III, 896; ср. выше, с. 370). Ученый не обратил внимания на то, что фигурирующие в более поздних (в этом он был прав) вариантах предлоги «Меж», «Перед» и наречие «Сзади» несовместимы с обстоятельством «в стройный ряд», так как указывают — два последних определено — на построение не в одну линию,⁴⁵ а в несколько. Войско на доске, как оно рисовалось Пушкину, имело и свой тыл, на что указывает дважды повторенное в автографе «в палатках». Характерно, что и эти записи, и наречие «Сзади» появились, судя по их местоположению, уже на весьма позднем отрезке работы поэта над не дававшимся ему фрагментом. Следовательно, если мысль вернуть в текст зачеркнутое обстоятельство «в стройный ряд» пришла Пушкину на ранней, как предполагал Измайлов, стадии, то эта правка неминуемо была бы отменена в дальнейших поисках описания ку-

⁴⁵ По определению лексикографов, слово «ряд» употреблено Пушкиным в разбираемом наброске в значении «строй в одну линию» (Словарь языка Пушкина М., 1959 Т. 3 С. 1069).

кольной армии, соответственно знак восстановления стал бы относиться к зачеркнутому «строй за строй» (подобное изменение в пушкинских черновиках возможно). Из этого в свою очередь вытекает, что если на самом деле восстановление диктовалось найденной посредством перестановки слов и устранявшей все творческие затруднения рифмой, то произойти это могло лишь на самой последней стадии работы на этом участке автографа, после записей: «а. Музыканты на лошадаках б. Воеводы на лошадаках в. [Подбоченясь] на лошадаках г. Подбоченясь на лошадаках», «в палатках» (дважды), «Сзади».

На этом цепь выводов не кончается, и самый неожиданный еще предстоит сделать. Если, действительно, Пушкин остановился на гипотетически реконструированной Цявловским находке, значит, ограничившись лишь одной линией кавалерии, он упростил ранее задумывавшуюся живописную картину боевых порядков и тыла построившейся на доске восковой «рати», что стало бы поэтическим эквивалентом красочного описания игрушечного войска в новелле Ирвинга. Напомним, что в эпизоде, который пробовал переложить стихами Пушкин, рассказывается о том, как арабский звездочет, постигший тайны египетской магии и обещавший мавританскому царю Абен Габузу воспользоваться ею, чтобы обезопасить его от дерзких соседей, повелел соорудить высокую башню и на ее шпиле поместил волшебную фигуру всадника, обращавшегося с копьем наперевес в сторону, откуда происходило нападение. «Вверху башни был круглый зал с окнами на все стороны света и у каждого окна столик, подобный шахматному, с кукольной ратью, конной и пешей, во главе с владыкою той стороны, и все деревянной резьбы». При первом сигнале тревоги, поданном всадником, царь и астролог поднялись в зал и подошли к окну с той стороны, куда указывал магический страж. «Царь Абен Габуз приблизился к столику вроде шахматного, на котором были расставлены деревянные фигурки, и, к изумлению своему, увидел, что все они движутся. Кони дыбились и гарцевали, воины бряцали оружием, и доносился слабый рокот барабанов и труб, брэнчала сбруя и ржали скакуны...»⁴⁶ В пробных

вариантах Пушкина фигурировали и пешие, и воеводы, и музыканты, и палатки, и, по предположительному чтению (Акад. III, 896, сн. 2), даже маркитанты, то есть он думал о том, как адекватно передать и, вполне вероятно, усилить ирвинговское разнообразие. Если оценить конъектуру Цявловского под этим углом зрения, то гипотетический ход Пушкина, прекрасно отвечающий художественным представлениям текстолога, оказывается едва ли не творческой неудачей поэта, не справившегося с поставленной им перед собою задачей и потому ее упростившего. Но, может быть, он все-таки не отказывался от своего намерения окончательно, восстановление обстоятельства «в стройный ряд» было лишь одной из очередных «прикидок» и затруднительные строки были оставлены на время, чтобы потом к ним вернуться, а не сделано это было потому, что интерес автора к наброску был скоро потерян?

Итак, существуют разные соображения, не позволяющие безоговорочно согласиться с конъектурой Цявловского и уточнением к ней Томашевского. Однако нет и достаточных оснований признать ее ошибочной. При таком балансе «за» и «против» следовало бы, наверное, в научных изданиях сочинений Пушкина воздержаться от включения ее в текст, печатающийся в корпусе произведений; здесь было бы правильное обозначить отсутствие нескольких стихов, а составленные Цявловским и Томашевским привести в комментариях со всеми необходимыми пояснениями.

В описании игрушечного флота не возникло таких же сложных и занимательных текстологических сюжетов, как в предшествующих фрагментах. Если отвлечься от неизбежных и позднее исправлявшихся ошибок чтения, из которых забавной было неожиданное однократное появление ефремовских «катеров» (см. сноску 19) в сводке Цявловского,⁴⁷ то достойно внимания упорное нарушение в этой части наброска публикаторами, причем не только «буквалистами», но и руководствовавшимися «свидетельством верного художественного вкуса», правила альтернан-

⁴⁶ Ирвинг В. Альгамбра; Новеллы. М., 1989. С. 125–126.

⁴⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. 2-е изд. М.; Л.: Гослитиздат, 1934. Т. 2 / Ред. М. А. Цявловского. С. 239. До этого издания и во всех последующих Цявловский печатал «каторог».

са. Этой грубой, невозможной у Пушкина ошибки стихосложения не заметил Бартенеv (см. с. 358, со стиха «Перед шахматной доскою») и опиравшийся на его публикацию Ефремов, равно как и самостоятельно разбиравший пушкинские рабочие тетради В. Е. Якушкин.⁴⁸ Она была устранена Морозовым, который ввел (правда, не с первой своей публикации) строку точек между стихами «Из ореховых скорлупок...» и «А прозрачные ветрильца — « (см. с. 362), но возвращена Цявловским в издании КН (см. с. 365) и всех последующих под его редакцией, снова исправлена Измайловым и Томашевским, показавшими отсутствие двух промежуточных стихов (см. с. 348, 349), и опять восстановлена Бонди (см. с. 350), главным апологетом в текстологической работе «непосредственного художественного чувства, хорошо выработанного литературного вкуса исследователя». Примечательна также издательская история последнего, начатого и оставленного незавершенным стиха «А веревки». Бартенеv, Ефремов, Якушкин и Морозов его полностью игнорировали, как если бы он вообще не присутствовал в автографе. Первым его включил в свою сводку Цявловский:

А прозрачные ветрильца —
Будто бабочкины крильца,
А веревки

(КН)

Этот текст держался до 1936 г.⁴⁹ Однако еще годом ранее Цявловский изменил эту концовку, изъяв «А веревки», но оставив запятую на конце ставшего теперь последним стиха и таким образом показав общую незавершенность наброска:

А прозрачные ветрильца —
Будто бабочкины крильца,⁵⁰

⁴⁸ Якушкин В. Е. Рукописи Александра Сергеевича Пушкина, хранящиеся в Румянцовском музее в Москве // Рус. старина. 1884. Т. 43. Сент. С. 651. Ср. сноску 21.

⁴⁹ Последняя его публикация: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. М.: Academia, 1936. Т. 2 / Подгот. текста М. А. Цявловского; Коммент. под ред. Ю. Г. Оксмана и М. А. Цявловского. С. 116.

⁵⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. 3-е изд. М.; Л.: Гослитиздат, 1935. Т. 2. С. 215. Так же заканчивался набросок в 4-м (1936) и 5-м (1938) изданиях.

Измайлов, подвергший набросок отделке, которая его превратила, как уже говорилось, в маленький шедевр, поставил в конце стиха «Будто бабочкины крильцы» точку (см. с. 348) и вынес «А веревки» в отдел вариантов, где ненароком, или по недосмотру, или чтобы оправдать невключение этих слов в текст, представил дело так, будто Пушкин сам их убрал из автографа:

Их тафтяные ветрильцы
Будто бабочкины крыльцы⁵¹
А веревки

*

А прозрачные ветрильцы
Будто бабочкины крильцы

(Акад. III, 897)

Обзор текстологической и печатной истории чернового наброска «Царь увидел пред собою...» показал, что все публиковавшиеся последние семь десятилетий (начиная с КН) его тексты, при несомненных достоинствах каждого из них, вызывают основательные возражения или сомнения и требуют существенных коррективов, а потому ни один не может и не должен быть включен в новое академическое «Полное собрание сочинений» Пушкина. Это значит, что автограф продолжает оставаться неприменимым объектом тщательного и вдумчивого анализа, который, нужно думать, приведет к каким-то новым, важным решениям. Так, может быть, не совсем «измельчали» те пушкинисты, которые настаивают на критическом освоении опыта прекрасного «большого академического» издания?

⁵¹ Ошибка в Акад.; следует «крыльцы».